

Владимир КРЮКОВ

В ПОЛОСЕ НЕВОЗВРАТА

* * *

Проводив уже многих и многих,
вознамерился нынче и сам
поучиться протягивать ноги
по одежке, по дням, по часам.

Но какие тут, к черту, законы?!
Пусть до смерти четыре шага —
все неявно, темно, незнакомо.
Будь что будет — и вся недолга.

Веселее в преддверии морга
дефицитные вспомнить года:
там директором облкниготорга
мне хотелось побыть иногда.

* * *

Тьма тепла и густа.
Хорошо и без лунного света —
так целуют в уста,
кто прощается, зная, что это

навсегда, навсегда —
никакого последнего срока.
Вот такая беда
подловила тебя ненароком.

Дальше как-нибудь врозь.
Прикасается ласковый ветер
и проходит насквозь
шелестящие листьями ветви.

* * *

Это он, тот безбытный скиталец,
всей тоске мировой вопреки
поднимал указательный палец
своей тонкой красивой руки.

Говорил, что без правды увянет
древо жизни. И ремесло
не поможет. Проповедь станет
омертвелой осыпью слов.

Он сказал это как-то иначе,
по-другому, да что за беда.
Ангел гнева и ангел плача
за спиной его были тогда.

И теперь, в полосе невозврата,
по прошествии множества лет
это сказанное когда-то
озаряет меня как свет.

Марбург

Улица тихо взбирается в гору —
Это и есть Пастернакштрассе.
Это и есть тот самый город,
Где разыгрались юные страсти.
Камень лестниц, длинные шпили.
Тут когда-то жил Ломоносов.
Весело вспомнить: и мы здесь пили
Кофе в память великих россов.
Время жить принуждает наспех.
Как удержать то, что было мило?
Но засыпая, я вижу нас всех,
Даже Бориса и Михаила.

Есть нечто тайное, такое,
Чего еще не знаешь ты.
Ночь в настроении покоя
Освободит от суеты.

И, простираясь надо мною,
Совсем не требует страдать.
Другой, нестрашную цену
Тебе дарует благодать.

И кажется, что нету ада,
Пусть про него читали мы,
А есть безмерная громада
Вполне к нам дружественной тьмы.

